Аксельрод

ИСТОРИЧ. ПОЛОЖЕН.
и взаимн. отношение
ЛИБЕР. И СОЦ.
ДЕМОКР. в РОССИИ

...РІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

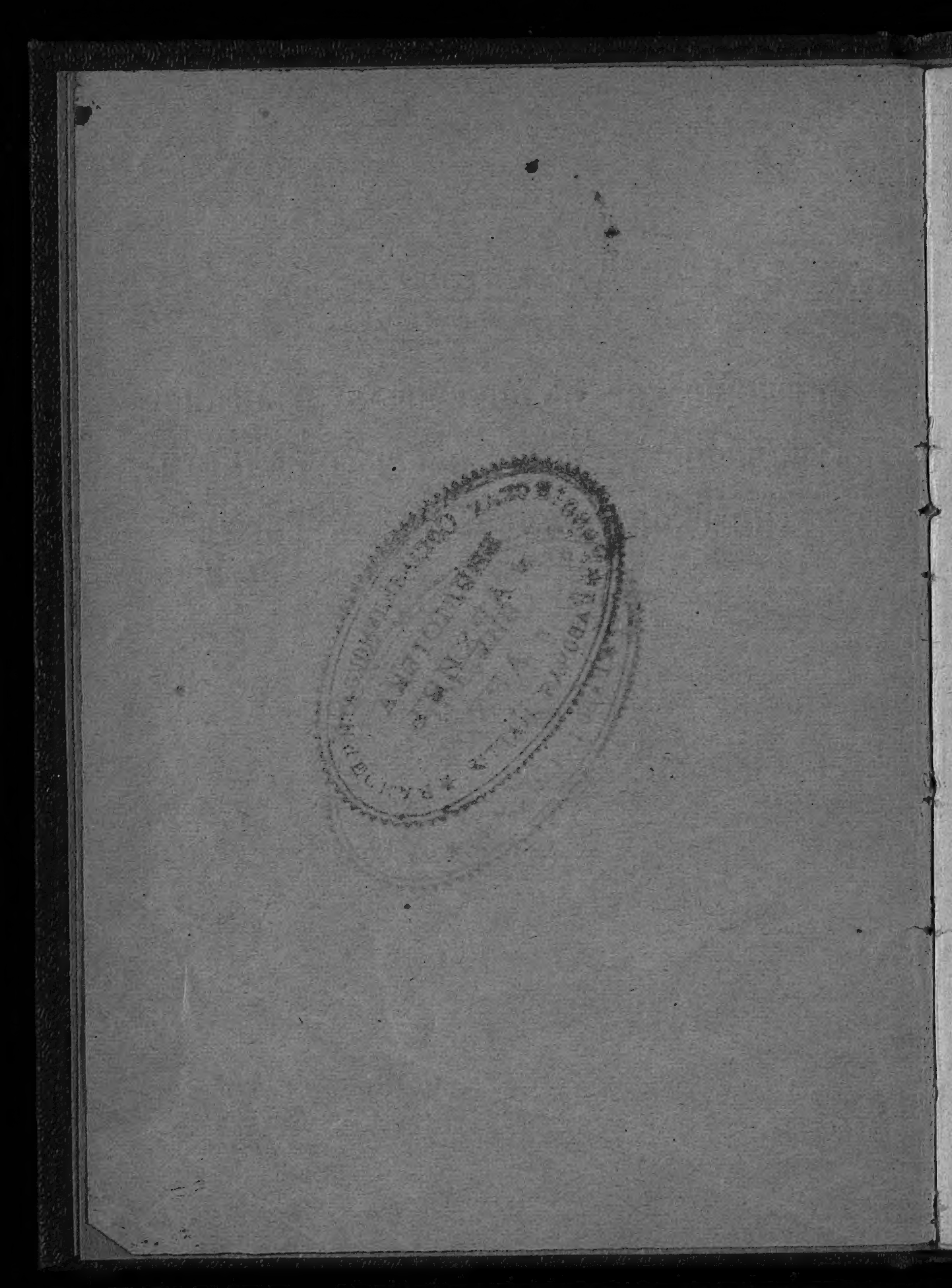
П. АКСЕЛЬРОДЪ

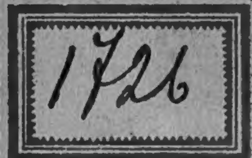
Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи.



Изданіе „Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи".

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ"
1898





...аріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

П. АКСЕЛЬРОДЪ

Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи.



Изданіе „Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи“.

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“
1898


БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

Историческое положенiе и взаимное отношенiе либеральной и соцiалистической демократiи въ Россiи.

(Переводъ съ нѣмецкаго Г. Антонова)

Статья эта была написана осенью прошлаго года для научно-публицистическаго органа германской соцiальдемократiи „Новое Время“ и появилась въ немъ весной текущаго года подъ заглавiемъ, отличнымъ отъ русскаго. Я позволилъ себѣ измѣнить заглавiе, главнымъ образомъ, вслѣдствiе трудности перевести его. Антоновъ перевелъ нѣмецкое названiе статьи словами: „Историческое оправданiе русской соцiальдемократiи“, между тѣмъ какъ я хотѣлъ словами: „Historische Berechtigung“ выразить, что статья имѣетъ цѣлью доказать жизнеспособность и право на существованiе нашего движенiя. „Право“, конечно, въ смыслѣ обусловленности этого движенiя историческимъ положенiемъ и взаимными отношенiями классовъ въ современной Россiи. Какъ бы то ни было, русское заглавiе отличается отъ нѣмецкаго тѣмъ, что, вмѣсто субъективнаго момента, цѣли, подчеркиваетъ содержанiе статьи, объективныя данныя, опредѣляющiя роль и значенiе русской соцiальдемократiи въ переживаемую нами эпоху.

Съ удовольствiемъ отмѣчаю совпаденiе моего взгляда на историческiя задачи русскаго пролетарiата со взглядами неизвѣстнаго мнѣ талантливаго автора только-что появившейся въ печати брошюры: „Современная Россiя“.

Есть основанiе думать, что брошюра эта является не только выраженiемъ индивидуальныхъ взглядовъ автора, но и предвѣстникомъ вступленiя нашего движенiя въ новый фазисъ. Къ такому заключенiю приводитъ № 2 „Рабочей Газеты“ и „Манифестъ Россiйской Соцiальдемократической Рабочей Партiи“. Газета и Манифестъ обнаруживаютъ весьма крупный и крайне знаменательный поворотъ въ политическомъ сознанiи и самосознанiи активныхъ элементовъ нашей такъ недавно начавшей формироваться партiи. *Авторъ.*

I.

Ближайшею цѣлью русской соціальдемократіи, многократно формулированной и обоснованной въ ея прессѣ, является: возможно скорѣе придать зарождающемуся рабочему движенію характеръ вполнѣ сознательной организованной борьбы противъ абсолютизма. Эта задача составляетъ фокусъ практическихъ стремленій русской соціальдемократіи, — по крайней мѣрѣ, поскольку эти стремленія нашли себѣ выраженіе въ теоретическихъ и публицистическихъ произведеніяхъ ея литературныхъ представителей.

„Но — возражаютъ намъ либералы и народники — вы хотите вызвать рабочее движеніе для борьбы съ абсолютизмомъ и завоеванія такого государственнаго порядка, который самъ является необходимѣйшимъ и элементарнѣйшимъ условіемъ такого движенія. Но не странно-ли и не утопично-ли стремленіе добиваться новаго государственнаго строя средствами, широкое примѣненіе которыхъ предполагаетъ *уже существованіе* этого строя?“

Нѣкоторая доля скептипизма по отношенію къ практическимъ тенденціямъ русской соціальдемократіи распространена, какъ кажется, и въ рядахъ западно-европейскихъ рабочихъ партій. Скептицизмъ этотъ покоится отчасти па соображеніяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, отцами которыхъ являются самые что ни на есть вульгарные русскіе либералы. Но въ основѣ его лежитъ и реальный фактъ русской дѣйствительности, — только фактъ этотъ неправильно истолковывается. Царское правительство всячески ласкаетъ и приголубливаетъ

капиталистическую буржуазію. Вслѣдствіе этого ей незачѣмъ выступать противъ абсолютизма, — и она политически совершенно индифферентна. И вотъ этотъ-то слой имущихъ классовъ отождествляется съ буржуазіей во всемъ ея цѣломъ, а затѣмъ выводится заключеніе, что въ Россіи вообще нѣтъ еще никакого антагонизма между имущими классами и абсолютизмомъ, а потому у насъ и почвы для массового движенія въ пользу конституціонной свободы быть не можетъ. Съ этой точки зрѣнія, стремленія и цѣли русской соціальдемократіи должны представляться утопичными, а ея надежды — пустыми фантазіями.

Въ дѣйствиѣельности, однако, дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ оно представляется сквозь очки шаблоннаго историческаго воззрѣнія на русскую жизнь.

Покровительственная политика царскаго правительства и безправіе народа являются золотымъ дномъ, съ котораго капиталисты черпаютъ свои богатстсва. Пока, по крайней мѣрѣ, именно остатки докапиталистической эпохи гарантируютъ широкое поле дѣятельности для ихъ склонностей и аппетитовъ. Но рядомъ и подъ этимъ слоемъ буржуазіи имѣются другіе, многочисленные и не лишенные вліянія слои ея, интересы которыхъ все менѣе и менѣе совмѣстимы, какъ съ таможенной и финансовой политикой правительства, такъ и съ безправіемъ и некультурностью народнхъ массъ.

Въ центрѣ и во главѣ этихъ общественныхъ элементовъ стоятъ представители либеральныхъ профессій: адвокаты, врачи, ученые, учителя, писатели, судьи, разнаго рода техники, наконецъ, учащаяся молодежь и т. д. Мало того: даже часть образованной бюрократіи принадлежитъ, своими симпатіями и своими стремленіями, къ этимъ прогрессивнымъ кругамъ высшихъ сословій, составляющимъ въ совокупности значительную часть буржуазіи и носящимъ общее названіе „интеллигенціи". Недаромъ газетные лакеи реакціи безпрестанно доносятъ на нее, какъ на „гидру революціи".

И въ самомъ дѣлѣ, жизненныя потребности интелли-

генціи вызываютъ необходимость иныхъ условій существованія, чѣмъ тѣ, на которыя обрекаетъ ее нашъ режимъ. Абсолютизмъ стѣсняетъ и опекаетъ ее въ ея профессіональной дѣятельности; онъ даже производитъ *относительное перенаселеніе* въ свободныхъ профессіяхъ, избытокъ „умственныхъ работниковъ". Затрудняя всячески развитіе прессы, мѣшая распространенію школъ и основанію всякихъ другихъ гуманитарныхъ учрежденій, правительство тѣмъ самымъ съуживаетъ поле дѣятельности интеллигенціи въ сильной степени, ограничиваетъ спросъ на ея рабочія силы и лишаетъ ее необходимѣйшихъ источниковъ ея матеріальнаго существованія. Но, быть можетъ, еще въ большей степени вредитъ правительство интеллигенціи косвенно, угнетая непосильнымъ бременемъ податей крестьянъ и удерживая ихъ въ крѣпостной зависимости по отношенію къ государству. Неимовѣрные государственные налоги, въ связи съ прикрѣпленіемъ къ землѣ и къ міру, всецѣло отдаютъ крестьянъ въ руки жадныхъ и корыстолюбивыхъ мелкихъ деревенскихъ властей, ростовщиковъ и кулаковъ. А такъ какъ не только сельскіе, но и промышленные рабочіе рекрутируются все еще изъ этихъ разоренныхъ и безправныхъ слоевъ населенія, то безотрадное положеніе первыхъ дѣйствуетъ угнетающимъ и обезсиливающимъ образомъ на послѣднихъ — оно обезпечиваетъ русскимъ капиталистамъ колоссальный, подавляющій перевѣсъ силы надъ рабочими. Если припомнить при этомъ таможенную политику русскаго правительства, то не трудно будетъ понять, какимъ образомъ „соціальная политика" правительства гарантируетъ капиталу огромные прибыли и отнимаетъ у капиталистовъ *личный интересъ* къ техническому и культурному прогрессу. Слишкомъ много у нихъ грубыхъ, первобытныхъ способовъ эксплуатаціи и самообогащенія, чтобы ощущать потребность въ такомъ прогрессѣ. Между тѣмъ, въ немъ именно и заключается одно изъ необходимѣйшихъ условій существованія „умственныхъ работниковъ".

Надо указать еще на одно обстоятельство, ярко характеризующее противорѣчіе между абсолютизмомъ и экономическими и культурными потребностями націи. Отягощая крестьянство чрезмѣрными налогами, правительство тѣмъ самымъ отнимаетъ у земства экономическую возможность разрѣшать свои настоятельнѣйшія задачи и выполнять свои существеннѣйшія функціи. Существуетъ „избытокъ“ врачей, и въ тоже время ихъ недостаточно въ деревняхъ. Почему? Да потому, что у земствъ нѣтъ средствъ помочь горю. У насъ нѣтъ средствъ ни для устройства училищъ, ни для распространенія элементарныхъ агрономическихъ свѣдѣній, ни для введенія сколько-нибудь раціональныхъ методовъ въ сельское хозяйство. Потребность во всемъ этомъ крайне настоятельна и общепризнана въ руководящихъ кругахъ землевладѣльцевъ, но правительство не оставляетъ ничего для земства въ карманахъ крестьянъ.

Нечего и говорить, что на почвѣ этого антагонизма между экономическими интересами интеллигенціи и абсолютизмомъ выросъ и развивается антагонизмъ идейнаго и нравственнаго характера. Добросовѣстное выполненіе профессіональныхъ функцій есть на Западѣ нѣчто само собою разумѣющееся и разсматривается, какъ простая обязанность каждаго, — у насъ же для этого требуется извѣстная доля идеализма, а иногда и гражданскаго мужества: порядочный профессоръ, гуманный врачъ, усердный учитель — въ глазахъ полиціи и реакціонеровъ — люди подозрительные. Основаніе общественныхъ учрежденій и предпріятій, являющееся на Западѣ обыденнымъ проявленіемъ индивидуальной и общественной самодѣятельности, въ Россіи считается культурнымъ подвигомъ, потому что, на самомъ дѣлѣ, надо много терпѣнія и самоотверженности, чтобы преодолѣть всѣ препятствія со стороны правительственныхъ органовъ всякимъ подобнымъ учрежденіямъ. Зато каждое дѣло подобнаго рода становится зародышемъ революціоннаго броженія.

И все-же всевластное правительство терпитъ интел-

лигенцію и оставляетъ ей относительно широкое поле общественной дѣятельности. Почему? Отвѣтъ на это читатель можетъ найти въ брошюрѣ Каутскаго: „Антагонизмъ классовъ въ 1789 г.“ Но только все сказанное тамъ объ общественной роли и значеніи интеллигенціи во Франціи конца прошлаго вѣка еще гораздо болѣе примѣнимо къ современной Россіи, — соотвѣтственно ея значительно болѣе высокому промышленному развитію и еще гораздо болѣе высокой ступени интернаціональнаго капитализма, въ атмосферѣ котораго живетъ капитализмъ русскій.

Интеллигенція стала необходимымъ факторомъ общественной жизни; она заполняетъ всѣ поры высшаго общества, она вторгается всюду и — о, иронія! — государственная власть, сама бюрократія не могутъ обойтись безъ нея. Очень важно при этомъ то, что оффиціальные общественные органы и само правительство довольно часто вынуждены прибѣгать къ услугамъ именно лучшихъ, наиболѣе идеально настроенныхъ элементовъ интеллигенціи. Особенно ярко выступаетъ наружу безусловная необходимость и значеніе этихъ элементовъ для общества и государства во время голода или эпидемій. Абсолютизмъ такъ же мало воленъ отдѣлаться отъ нихъ, какъ и отъ капитализма.

Но интеллигенція никоимъ образомъ не единственный привилегированный общественный слой, интересамъ котораго наноситъ ущербъ абсолютизмъ. Рядомъ съ нею стоитъ большой, экономически господствующій классъ, тоже чувствующій себя далеко не вольготно въ узкихъ рамкахъ абсолютной монархіи. Это — классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ общемъ совпадающій съ земельнымъ дворянствомъ. Въ то время какъ за нашей крупной промышленностью обезпеченъ огромный національный рынокъ, защищенный противъ иностранной конкурренціи высокими пошлинами, нашему отсталому сельскому хозяйству приходится вести тяжелую борьбу съ мощными соперниками на международномъ рынкѣ. Эти соперники гораздо лучше вооружены и опираются на

гораздо болѣе высокую національную культуру, чѣмъ русскіе землевладѣльцы. Этимъ послѣднимъ приходится, поэтому, изо дня въ день на собственной шкурѣ испытывать противорѣчіе, возникшее между новыми экономическими условіями существованія Россіи — результатомъ капиталистическмго развитія — и ея отсталой культурой и устарѣлыми правовыми отношеніями. Крупный землевладѣлецъ лично заинтересованъ въ гораздо болѣе быстромъ промышленномъ развитіи Россіи, чѣмъ оно совершается на самомъ дѣлѣ; потому что только такое развитіе освободитъ его отъ необходимости рыскать со своими товарами по всему бѣлу-свѣту. Еще болѣе, или по меньшей мѣрѣ, еще непосредственнѣе заинтересованъ онъ въ развитіи земледѣльческой техники и путей сообщенія, которые даютъ такой рѣшительный перевѣсъ его иностраннымъ конкуррентамъ на аренѣ міроваго хозяйства. Но абсолютизмъ и полученная нами отъ докапиталистической эпохи въ наслѣдство некультурность, хозяйственная и финансовая политика правительства, произволъ бюрократіи и безправіе народныхъ массъ — все это, какъ китайская стѣна, стоитъ поперекъ дороги дѣлу ускоренія хода нашего промышленнаго развитія и подъему сельскаго хозяйства. Прямо или косвенно, всѣ эти моменты задерживаютъ капиталистическій прогрессъ Россіи. Косвенно тѣмъ, что, благодаря имъ, нація и земля являются совершенно беззащитными объектами необузданной эксплуатаціи, разграбленія и ростовщическаго вымогательства со стороны капитала. Этимъ именно богатые и предпріимчивые представители торгово-промышленной буржуазіи освобождаются отъ настоятельной необходимости дѣятельно способствовать подъему сельского хозяйства и даже прогрессу промышленности. Они скорѣе лично заинтересованы въ дальнѣйшемъ существованіи грубыхъ, отсталыхъ формъ капитализма, въ сохраненіи варварскихъ, но прибыльныхъ методовъ эксплуатаціи.

Разница въ экономическомъ положеніи и интересахъ нашихъ помѣщиковъ, съ одной стороны, и капиталисти-

ческихъ элементовъ буржуазіи, — съ другой, ясно отражается и въ дѣятельности нашихъ органовъ самоуправленія. По сравненію съ плутократическими думами, земства въ своихъ совѣщаніяхъ, мѣропріятіяхъ и преніяхъ являются прогрессивными и даже демократическими. Поэтому-то реакціонеры и кричатъ, что земства суть легальныя организаціи для „подкапыванія основъ". Дѣйствительно, земства въ своихъ адресахъ и петиціяхъ неоднократно проявляли конституціонныя вожделѣнія.

Такимъ образомъ, взаимное положеніе классовъ оказывается какъ разъ обратнымъ тому, какимъ оно было во Франціи и въ Германіи въ соотвѣтствующія эпохи. Тамъ оппозиція противъ монархіи разгорѣлась на почвѣ *общаго антагонизма* народныхъ массъ, интеллигенціи и торгово-промышленныхъ классовъ противъ привилегированныхъ сословій. Въ Россіи же, въ которой нѣтъ такихъ сильныхъ сословій, почвой, на которой зарождается столкновеніе между капиталистическимъ развитіемъ и абсолютизмомъ, является общая ненависть земельнаго дворянства, интеллигенціи и пролетаризованныхъ народныхъ массъ къ экономически господствующему классу капиталистовъ.

Впрочемъ, эти замѣчанія должны быть ограничены въ томъ смыслѣ, что сословный антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками продолжаетъ существовать и что часть послѣднихъ ищетъ своего спасенія въ милостяхъ царскихъ. Но руководящая роль въ этомъ сословіи все же принадлежитъ, главнымъ образомъ, наиболѣе дальновиднымъ и прогрессивнымъ его элементамъ, проникнутымъ духомъ современнаго капитализма. Они обыкновенно руководятъ земствами и направляютъ земскую политику по отношенію къ правительству и народу.

Итакъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, утвержденіе объ отсутствіи у насъ принципіальнаго антагонизма между высшими классами и правительствомъ оказывается ложнымъ. Въ основѣ его лежитъ, правда, тотъ фактъ, что наши промышленники и коммерсанты живутъ еще въ мирѣ съ правительствомъ и вообще поли-

тически индифферентны. Между тѣмъ, именно о „промышленныхъ и торговыхъ классахъ“ Марксъ писалъ, что „настоящее революціонное движеніе въ Германіи началось съ ихъ переходомъ въ оппозицію“*). Но, во-первыхъ, противно самымъ элементарнымъ представленіямъ о движеніи общества, предполагать, будто теперешнее отношеніе господствующихъ слоевъ буржуазіи къ правительству навсегда останется такимъ и не подвержено вліянію новыхъ условій. Именно, дальнѣйшія, все болѣе и болѣе усиливающіяся проявленія потребностей и стремленій оппозиціонныхъ, враждебныхъ капиталистической буржуазіи классовъ и сословій должны вызвать въ недалекомъ будущемъ столкновенія между нею и правительствомъ. Можно сказать даже, что смѣшеніе въ одну безразличную консервативную кучу всѣхъ капиталистическихъ элементовъ и теперь уже далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Но затѣмъ, самъ собою навязывается вопросъ: отчего бы совмѣстному выступленію интеллигенціи и вліятельныхъ землевладѣльческихъ элементовъ въ качествѣ оппозиціи не имѣть никакого значенія, въ то время какъ оппозиція эксплуататорскихъ слоевъ буржуазіи имѣла въ Германіи значеніе рѣшающее. Въ Германіи торгово-промышленный классъ боролся, въ интересахъ національнаго развитія капитала, — противъ дворянства, въ Россіи передовые элементы дворянства и интеллигенціи борятся тоже за національные интересы и потребности капиталистическаго прогресса, но именно *противъ* названнаго класса, т. е. противъ заправскаго соціальнаго представителя капитализма. Конечно, это довольно своеобразное явленіе. Но оно во всякомъ случаѣ не ослабляетъ значенія того факта, что и у насъ, какъ на Западѣ, движущей силой оппозиціи противъ абсолютизма является капиталистическое развитіе, а цѣлью его — удаленіе всѣхъ преградъ съ пути этого развитія. Если торгово-промышленный классъ экономически сильнѣе и

*) Революція и контръ-революція, стр. 16-17.

играетъ въ экономической жизни страны большую роль, то это до извѣстной степени уравновѣшивается руководящей и организаторской ролью въ обществѣ, выпадающей на долю нашихъ либерально-оппозиціонныхъ элементовъ — именно благодаря капиталистическому развитію. Въ качествѣ представителей образованія, выполняя при этомъ важнѣйшія общественныя, а частью и государственныя функціи, они являются головой націи, которая, при нынѣшнемъ уровнѣ экономическаго развитія Россіи, также не можетъ обходиться безъ нея, какъ отдѣльный индивидуумъ безъ мозга. Такое положеніе нашей интеллигенціи и крупныхъ землевладѣльцевъ дѣлаетъ возможнымъ для нихъ находить средства, чтобы систематически подкапывать нашъ государственный строй такъ-сказать, изнутри.

Поднятіе и усиленіе общественной инициативы и самоуправленія на счетъ бюрократіи, укрѣпленіе и обезпеченіе „законности" въ ущербъ административному произволу, наконецъ, введеніе всеобщаго элементарнаго образованія — вотъ кардинальные пункты, вокругъ которыхъ вращается дѣятельность нашей легальной оппозиціи, на которыхъ концентрируются ея стремленія и требованія и въ которыхъ они рѣзче всего проявляются. Поводы и формы, въ которыхъ эти стремленія выражаются, весьма разнообразны. А каждый успѣхъ на этомъ поприщѣ равносиленъ, если можно такъ выразиться, вращенію въ русское національное тѣло учрежденій, привычекъ, отношеній и запросовъ, стоящихъ въ принципіальномъ противорѣчіи къ абсолютизму и практически отрицающихъ его право на существованіе.

Само собою разумѣется, что либеральныя стремленія нашихъ высшихъ сословій могутъ проявляться лишь съ чрезвычайнымъ трудомъ, путемъ большихъ усилій, и и что правительственные органы стараются ставить имъ препятствія и заграждаютъ имъ путь на каждомъ шагу. Но если одни „государственные мужи" относятся къ либерализму враждебно и недоброжелательно, то другіе изъ нихъ придерживаются противоположной по-

литики. Непосредственный переходъ Россіи отъ натурально-хозяйственной изолированности къ промышленному капитализму, совершившійся подъ давленіемъ несравненно болѣе развитого Запада, поставилъ царскую Россію въ положеніе, къ которому она нисколько не была подготовлена. Возникло колоссальное несоотвѣтствіе между отсталыми техническими, культурными и соціально-политическими средствами, унаслѣдованными отъ *старой Россіи*, и новыми, непрерывно растущими національными потребностями, интересами и задачами. Это-то и заставляетъ правительство дѣлать уступки безсильному либерализму, — не смотря на свою подавляющую силу.

Какъ ни силенъ страхъ правительства передъ общественною самодѣятельностью и народнымъ образованіемъ, — оно все же капитулируетъ и тутъ передъ либиральными элементами, конечно, съ величайшей неохотой. Новыя хозяйственныя условія существованія и порождаемая ими сложная борьба интересовъ, отношеній и потребностей служатъ все болѣе и болѣе растущимъ источникомъ ослабленія царско-бюрократическаго всемогущества и усиленія политически безсильнаго общества по отношенію къ абсолютизму.

Словомъ, подъ давленіемъ отечественнаго и интернаціональнаго капитализма въ русскій національный организмъ проникаютъ и внѣдряются тамъ нѣкоторыя соціально-политическія бациллы, клѣтки-элементы западнаго государственнаго строя. Мѣряя западно-европейской мѣркой, весь вышеуказанный прогрессъ кажется совершенно лишеннымъ политическаго значенія и далеко недостаточнымъ, чтобы вызвать паденіе абсолютизма въ ближайшемъ будущемъ. Дѣйствительно, при обычныхъ условіяхъ онъ не въ состояніи былъ бы привести къ такому перевороту, еслибы дѣйствіе его не распространялось за тѣсныя границы высшихъ сословій. Имѣя въ виду лишь эти сословія, можно было бы даже скорѣе сказать, что уступки правительства скорѣе ослабляютъ оппозицію, усыпляя недовольство однихъ и

затрудняя или замедляя пробужденіе его въ средѣ другихъ имущихъ классовъ. Но постепенное проникновеніе культурныхъ и общественныхъ элементовъ въ русскую жизнь создаетъ почву и орудія для *политическаго* пробужденія пролетаріата уже въ тискахъ абсолютизма. Въ этомъ-то и лежитъ революціонное значеніе и центръ тяжести, съ формальной, внѣшней стороны, политически совершенно невинныхъ усилій нашего либерализма преобразовать русскую дѣйствительность въ духѣ своихъ стремленій.

II.

По сравненію со средствами, которыми располагаетъ западно-европейскій пролетаріатъ, элементы русской жизни, способствующіе его развитію, такъ незначительны, что съ перваго взгляда они могутъ показаться лишенными всякаго значенія. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ иначе. Только не надо упускать изъ виду принципіальнаго различія между Россіей и Западомъ, какъ въ отношеніяхъ буржуазныхъ классовъ къ существующему соціально-политическому строю, такъ и въ обоюдныхъ политическихъ отношеніяхъ ихъ съ пролетаріатомъ.

Въ то время какъ на Западѣ современное буржуазное общество хозяйничаетъ на почвѣ имъ самимъ созданнаго соціально-политическаго строя, живетъ въ собственномъ государственномъ зданіи, въ Россіи оно все еще носитъ оковы, нѣсколько подновленной, но все же докапиталистической государственной организаціи и даже не смѣетъ открыто стремиться къ устройству вполнѣ соотвѣтствующей его интересамъ и вкусамъ обстановки. Поэтому, западно-европейская буржуазія, даже свободомыслящая или радикальная — антиреволюціонна во всѣхъ отношеніяхъ. Въ лучшемъ случаѣ она согласна тамъ и сямъ исправить, заплатать то или другое. Но прежде всего она преисполнена заботы о предупрежденіи великаго переворота. Этимъ духомъ вражды ко всему революціонному проникнуты всѣ общественныя

учрежденія и всѣ проявленія соціальной самодѣятельности высшихъ классовъ на Западѣ, начиная съ органовъ самоуправленія и учрежденій благотворительнаго характера и кончая прессой и университетами, съ литературой и наукой во главѣ. Въ Россіи же, гдѣ всякій шагъ впередъ въ сферѣ общественной самодѣятельности стоитъ въ принципіальномъ противорѣчіи съ государственнымъ порядкомъ, имѣетъ мѣсто обратное явленіе: даже самые умѣренные и осторожные изъ представителей нашего либерализма не свободны отъ „превратныхъ тенденцій". А русскій пролетаріатъ, съ своей стороны, не можетъ, на настоящей ступени развитія Россіи, идти въ своихъ *непосредственныхъ* практическихъ стремленіяхъ дальше радикально-демократическаго либерализма. О завоеваніи политической власти пролетаріатомъ для себя или о реформѣ буржуазнаго общества подъ знаменемъ соціализма ужъ пока не можетъ и рѣчи быть.

Итакъ, для принципіальнаго политическаго антагонизма между нашимъ пролетаріатомъ и либеральной буржуазіей историческая почва еще не подготовлена; напротивъ, ихъ обоюдное историческое положеніе навязываетъ имъ общую цѣль и принуждаетъ ихъ къ энергичной, постоянной взаимопомощи. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ своихъ старшихъ братьевъ на Западѣ, русскій пролетаріатъ находитъ въ кругу самихъ представителей буржуазнаго общества точку опоры и поддержку для своего революціоннаго развитія. Вѣдь оно само еще только нарождается на свѣтъ и по существу проникнуто революціоннымъ духомъ почти во всѣхъ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ. Какъ ни политически невинна на первый взглядъ общественная дѣятельность нашихъ либераловъ, она все же по своимъ тенденціямъ враждебна существующему строю и подкапываетъ современный государственный порядокъ. Вотъ почему такая, политически невинная, область дѣятельности русскихъ либераловъ, какъ народное образованіе и просвѣщеніе, служитъ источникомъ разныхъ импуль-

совъ къ революціонному броженію. Своей дѣятельностью въ этой и аналогичныхъ областяхъ либералы наши изо дня въ день иллюстрируютъ фактами непримиримое противорѣчіе, существующее между абсолютизмомъ и народными нуждами. Знакомя народъ съ вопіющими фактами нашей жизни, они открываютъ ему глаза на несовмѣстимость царскаго абсолютизма съ его интересами и показываютъ его ему во всей его отвратительной наготѣ.

Такимъ-то образомъ, не политическое, вполнѣ легальное, просвѣтительное культурничество становится неизсякаемымъ источникомъ политическаго броженія — сперва въ интеллигентныхъ кругахъ, а потомъ и въ народныхъ массахъ. Уже встрѣчаются факты непосредственныхъ конфликтовъ народа съ властями вслѣдствіе закрытія школъ и библіотекъ или затрудненій къ ихъ основанію.

Но прогрессъ элементарнаго образованія есть вѣдь одно изъ условій и одинъ изъ мостовъ для установленія интеллектуальной связи между низшими классами и интеллигентной, идеологической буржуазіей. Благодаря этому прогрессу, съ каждымъ днемъ расширяется и демократизируется кругъ читателей свободомыслящей прессы, которая начинаетъ проникать во все большихъ и большихъ размѣрахъ на фабрики и даже въ захолустныя деревни.

Въ прессѣ читатель изъ народа находитъ цѣлый резервуаръ накопившагося въ буржуазныхъ оппозиціонныхъ кругахъ недовольства и распространенныхъ въ ихъ средѣ „превратныхъ" стремленій и желаній. Газеты приносятъ отчеты и свѣдѣнія о жизни націй, ушедшихъ впередъ, описаніе ихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, — и все это сопровождается критическими примѣчаніями объ отечественныхъ порядкахъ. Словомъ, газеты даютъ грамотнымъ читателямъ точки, если не къ насильственному ниспроверженію режима, то, по крайней мѣрѣ, къ пытливому исканію средствъ для такого ниспроверженія.

Но интеллигенція не можетъ остановиться въ самомъ началѣ пути своей революціонной народно-просвѣтительной дѣятельности. Обстоятельства не позволяютъ ей ограничиться лишь подготовительной работой въ области революціонизированья народныхъ массъ; они заставляютъ демократическую часть интеллигенціи идти гораздо дальше простого обученія и просвѣщенія народа. И прежде всего толкаетъ ее въ этомъ направленіи *политическая* слабость русскаго либерализма.

Фактъ совершенной невозможности для русскаго либерализма добиться господства безъ поддержки низшихъ классовъ отнюдь не представляетъ собою новаго явленія въ исторіи. О Франціи стараго режима Каутскій говоритъ: „Все яснѣе и яснѣе становилось, что конецъ господству двора и привилегированныхъ классовъ могутъ положить только крестьяне и бѣдные горожане, т. е. народъ". Но этотъ „рычагъ" пришелъ въ движеніе лишь послѣ того, какъ высшіе классы уже принудили абсолютизмъ къ капитуляціи, да и выступилъ-то народъ на историческую арену, не какъ сознательная, руководимая ясною цѣлью сила, а какъ сила элементарная, толкаемая впередъ извнѣ необычайными событіями. Русскій же либерализмъ, наоборотъ, лишенъ пока возможности найти себѣ достаточную поддержку въ имущихъ *массахъ*, чтобы заставить правительство вступить на путь серьезныхъ политическихъ уступокъ.

Но тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ имѣетъ планомѣрное сознательное революціонное движеніе среди народа. Такое движеніе въ чрезвычайной степени увеличило бы силы либерализма, и притомъ не только прямо, но и косвенно, такъ какъ неизбѣжно вызвало бы къ жизни дремлющій антагонизмъ между правительствомъ и капиталистами, породило бы между ними разные конфликты и толкнуло бы, такимъ образомъ, „промышленные и торговые классы" въ лагерь либеральной оппозиціи.

Политическое безсиліе русскаго либерализма коренится въ двухъ, тѣсно между собою связанныхъ, обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ отсутствіи „историческихъ со-

словій“ съ наслѣдственными средствами самообороны противъ короны и непривилегированныхъ классовъ, во-вторыхъ, въ относительной солидарности царизма съ торгово-промышленной буржуазіей. Какъ извѣстно, во Франціи зданіе абсолютизма выведено было изъ устойчиваго равновѣсія именно упорнымъ противодѣйствіемъ привилегированныхъ сословій, и они же своей борьбой съ правительствомъ пробудили революціонныя страсти не только въ пролетаріатѣ, но и въ самой буржуазіи. Въ Россіи же нѣтъ такого историческаго двигателя. Докапиталистическая эпоха не завѣщала намъ никакого привилегированнаго сословія съ исторически упроченнымъ положеніемъ и достаточными средствами самозащиты противъ короны и буржуазіи. А новѣйшая эволюція, съ своей стороны, не мало способствовала еще большему ослабленію силы сопротивленія дворянства, раздѣливъ его на два антагонистическіе лагеря: на передовой и болѣе или менѣе реакціонный. Но реакціонное крыло дворянства состоитъ изъ элементовъ, стоящихъ ниже въ культурномъ отношеніи и идущихъ на встрѣчу разоренію; они стараются протянуть свое существованіе крохами и подачками съ царскаго стола. Элементы эти не въ состояніи проводить послѣдовательно реакціонную политику, въ общемъ они колеблятся между противоположными полюсами сословныхъ вожделѣній и либеральныхъ вліяній. Руководство классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ общемъ, принадлежитъ все-таки лицамъ, склоняющимся на сторону экономическаго, культурнаго и политическаго прогресса.

Нашей капиталистической буржуазіи нечего, слѣдовательно, бояться какихъ-нибудь „историческихъ“ соперниковъ. Отсутствіе у насъ историческихъ тормазовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе на Западѣ капитализмъ встрѣчалъ въ началѣ своего жизненнаго пути, облегчило нашей государственной власти задачу обращенія государства и его политики въ орудіе усиленнаго капиталистическаго развитія. Русскіе самодержцы оказались въ очень завидномъ, съ точки зрѣнія монархической, положеніи: они имѣли

возможность проводить сравнительно широкія реформы въ пользу находившагося еще въ колыбели класса капиталистовъ, не рискуя при этомъ натолкнуться на упрямую оппозицію со стороны реакціонныхъ элементовъ и не опасаясь вызывать къ жизни сложные, трудно улаживаемые конфликты между привилегированнымъ „третьимъ сословіемъ". А въ результатѣ этого получается то, что даже промышленная буржуазія чувствуетъ себя недурно подъ опекой абсолютизма: извлекая огромные барыши изъ сохранившагося въ русской жизни соціально-политическаго варварства, она въ тоже время не испытываетъ чувствительнымъ образомъ на собственной спинѣ мерзостей этого варварства. И такъ какъ правительство въ своей политикѣ угожденія капиталистической буржуазіи не утратило еще своей эластичности, то капиталисты могутъ до поры до времени спокойно пребывать въ своей вѣрноподданнической преданности и по прежнему чуждаться всякаго либерализма.

Итакъ, историческое положеніе высшихъ сословій и классовъ препятствуетъ выступленію у насъ на сцену *энергичной, легальной* оппозиціи, — какъ реакціонной, такъ и прогрессивной. Это обстоятельство служитъ одной изъ наиболѣе сильныхъ двигательныхъ пружинъ, толкающихъ свободомыслящую часть нашей буржуазіи и интеллигентныхъ помѣщиковъ на путь распространенія народнаго образованія и демократизированія органовъ самоуправленія.

Вмѣсто того, чтобы хвататься за устарѣвшія прерогативы и сословныя учрежденія, недѣйствительныя, даже прямо негодныя, какъ опора и орудіе борьбы съ престоломъ, болѣе дальновидные представители дворянства предпочитаютъ принимать участіе въ развитіи силъ народа, работая вмѣстѣ съ буржуазной интеллигенціей надъ дальнѣйшимъ развитіемъ органовъ самоуправленія въ демократическомъ смыслѣ и надъ распространеніемъ образованія въ массахъ.

Не надо полагать, однако, что вся масса либераловъ ясно сознаетъ политическій смыслъ своей дѣятельности,

Но въ какой бы субъективной окраскѣ ни представлялись тому или другому изъ нихъ „народолюбивыя“ стремленія его товарищей, это не мѣняетъ объективной важности того факта, что отсутствіе надежной политической опоры въ имущихъ массахъ заставляетъ ихъ наиболѣе образованныхъ, въ разнообразныхъ сферахъ общественной жизни наиболѣе дѣятельныхъ представителей искать такой точки опоры въ *народныхъ* массахъ.

Но путь, по которому либеральные элементы движутся къ этой цѣли, слишкомъ долгъ и, поэтому, не приходится по вкусу болѣе молодой и радикальной части интеллигенціи. Средства, употребляемыя либералами, и достигнутые ими непосредственные осязательные результаты содержатъ въ себѣ, правда, революціонную силу, но лишь въ скрытомъ состояніи, изъ котораго ее еще нужно превратить въ живую энергію. Для этой исторической роли какъ бы предназначены полупролетаріи и пролетаріи интеллигенціи, учащаяся молодежь и вообще наиболѣе темпераментные и наиболѣе демократическіе элементы интеллигенціи.

Этимъ элементамъ высшихъ сословій абсолютизмъ невыносимъ вдвойнѣ: съ одной стороны, онъ своимъ варварствомъ развиваетъ въ нихъ идеализмъ и доводитъ его до высокой степени напряженія, — онъ, съ другой стороны, въ то же время загораживаетъ этому идеализму всѣ пути для проявленія въ легальныхъ формахъ. Для этихъ сравнительно широкихъ круговъ буржуазіи путь такъ-называемаго мирнаго, органическаго прогресса прямо невозможенъ.

И либеральные элементы далеко не очарованы своей тихой, кротоподобной работой подкапыванія и подтачиванія устоевъ. И они чувствуютъ себя отвратительно подъ давленіемъ тяжелой руки бюрократіи и хотѣли бы освободиться отъ нея чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но либеральные помѣщики и хорошо оплачиваемые редакторы „уважаемыхъ“ газетъ склонны резонировать, что нельзя-де пробить лбомъ стѣну. На что радикально-демократическая интеллигенція имъ заявляетъ: „Мы

никогда не удовлетворимся и не желаемъ удовлетвориться вашимъ черепашьимъ прогрессомъ. Ваше смиреніе безнравственно. Источникъ его — трусость и эгоистическій страхъ за ваши личные интересы. Нашъ же лозунгъ гласитъ: безстрашная, безпощадная война съ власть имущими, война не на животъ, а на смерть. А такъ какъ нашихъ силъ не хватаетъ, то мы призовемъ угнетенныя рабочія массы на революціонную арену и научимъ ихъ бороться съ угнетающимъ ихъ общественнымъ строемъ и вооружимъ ихъ къ этой борьбѣ!“

Голая дѣйствительность, бросающаяся въ глаза, съ своей стороны, указываетъ революціонной интеллигенціи на промышленный пролетаріатъ, какъ на классъ народа, обѣщающій наибольшихъ успѣховъ дѣлу организаціи народно-революціоннаго движенія.

Этотъ классъ живетъ большими массами именно въ центрахъ интеллигентной и общественной жизни, гдѣ находятся и важнѣйшіе правительственные органы, и гдѣ приходится предпринять рѣшительную аттаку противъ абсолютизма. Въ то время какъ крестьянство, въ своемъ варварскомъ невѣжествѣ и традиціонной вѣрности и преданности престолу, покорно переноситъ всѣ мерзости и низости своихъ угнетателей, городской пролетаріатъ смѣло поднимаетъ голову противъ своихъ эксплуататоровъ, борется съ ними и проявляетъ неутолимую жажду образованія и знанія. Словомъ, революціонная интеллигенція встрѣчаетъ въ большихъ городахъ классъ народа, наиболѣе воспріимчивый къ ея интеллектуальному воздѣйствію, легко проникающійся революціонными идеями и способный на революціонную борьбу.

III.

Русскій пролетаріатъ еще очень молодъ и процессъ его обособленія отъ деревенскаго населенія еще далеко не завершенъ. Нашъ пролетаріатъ есть непосредственный продуктъ насильственнаго обезземеленія крестьянъ, начатаго въ широкихъ размѣрахъ ихъ „освобожденіемъ“

и продолжаемаго всею соціально-экономической политикой правительства.

Большая часть пролетаріата принадлежитъ еще къ крестьянскому сословію, т. е. несетъ бремя податей, тяготѣющее надъ крестьянской землей, хотя и не извлекаетъ изъ нея для себя никакой пользы. Стоя въ хозяйственномъ отношеніи на городской почвѣ, эта часть нашего рабочаго класса, юридически, тѣмъ не менѣе связана съ крестьянствомъ, далеко не свободнымъ даже въ чисто гражданскомъ смыслѣ, такъ какъ находится въ крѣпостной зависимости отъ государства.

Кромѣ этихъ слоевъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, главнымъ образомъ, въ силу государственной принудительности, города наши переполнены настоящими крестянскими массами, ведущими промежуточное существованіе: на половину они земледѣльцы и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются городскими промыслами. Массы эти набираются изъ крестьянъ, разоряемыхъ и экспропріируемыхъ самымъ мучительнымъ образомъ соединенными усиліями бюрократіи, жадныхъ помѣщиковъ и хищныхъ кулаковъ. Изъ нихъ рекрутируется наша рабочая резервная армія, болѣе многочисленная, чѣмъ въ странахъ, стоящихъ во главѣ капиталистическаго прогресса. Давленіе ея на положеніе активной рабочей арміи также несравненно сильнѣе, чѣмъ въ этихъ странахъ. Въ Западной Европѣ масса безработныхъ состоитъ преимущественно изъ лицъ, временно или на всегда выброшенныхъ изъ дѣйствующей промышленной арміи. Они представляютъ собою непосредственный продуктъ поступательнаго движенія крупной промышленности, ея техническаго прогресса и колебаній въ сбытѣ. Колоссальный же избытокъ „рабочихъ рукъ“ въ Россіи является не столько результатомъ дѣйствія самостоятельныхъ, внутреннихъ силъ, присущихъ промышленному капитализму, сколько слѣдствіемъ фискальнаго гнета, условій освобожденія крестьянъ и ихъ безправнаго положенія. Само собою очевидно, что бродячія массы голоднаго народа, безъ правъ, безъ потребностей, въ го-

раздо большей степени должны дѣйствовать умиряющимъ и обезсиливающимъ образомъ на занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, чѣмъ безработные, которые, по своему прошлому, по своему духовному и культурному развитію, принадлежатъ къ промышленному пролетаріату. Значительная часть нашего пролетаріата стоитъ еще одной ногой въ болотѣ, въ которой задыхаются огромныя крестьянскія массы, да и весь нашъ рабочій классъ испытываетъ на себѣ дѣйствіе примитивныхъ условій жизни крестьянскаго населенія. Некультурность, хозяйственная и политическая дикость деревни, во многомъ превосходящая городскую, разореніе и обнищаніе крестьянъ, — все это пригнетаетъ и промышленное рабочее населеніе и обезпечиваетъ предпринимателямъ перевѣсъ силъ, далеко превосходящій ихъ собственныя силы. Это вредное вліяніе отсталыхъ условій существованія крестьянъ на положеніе рабочаго класса еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что русская промышленность обладаетъ почти единственно только внутреннимъ рынкомъ, который составляютъ, главнымъ образомъ, крестьяне, которые быстро нищаютъ; а на замѣну имъ не является другой классъ сельскихъ хозяевъ, болѣе приспособленный къ новымъ экономическимъ условіямъ. Процессъ образованія такого класса сильно замедляется абсолютистскимъ режимомъ и его политикой. Правительство гонитъ цѣлые милліоны крестьянъ на заработки во всѣ углы имперіи, и въ тоже время не даетъ промышленности развиться достаточно, чтобы поглотить всѣ эти массы.

Итакъ, промышленный пролетаріатъ въ Россіи жизненно заинтересованъ въ радикальномъ устраненіи гнета и несправедливостей, тяготѣющихъ надъ сельскимъ населеніемъ. Но его непосредственнымъ врагомъ и эксплуататоромъ является все же предприниматель, интересы его и потребности концентрируются, главнымъ образомъ, на его отношеніяхъ къ промышленному капиталисту. Эти отношенія такъ же антагонистичны, какъ и на Западѣ; они проявляются съ такою же рѣзкостью

и ясностью, какъ и въ старыхъ капиталистическихъ странахъ. По своей технической основѣ и размѣрамъ, русскія крупнопромышленныя предпріятія стоятъ на высотѣ современной капиталистической индустріи. А въ мелкихъ предпріятіяхъ противоположность интересовъ рабочаго и предпринимателя обостряется подъ вліяніемъ конкурренціи съ крупными промышленными заведеніями. Антагонизмъ этихъ классовъ не заслоняется ни общею ненавистью къ привиллегированнымъ сословіямъ, ни унаслѣдованными отъ среднихъ вѣковъ цеховыми и другими подобными учрежденіями. Если въ Россіи и существуютъ такіе элементы докапиталистической эпохи, то они настолько жалки, что даже для городского пролетаріата нечувствительны. Истинно привилегированный классъ Россіи есть именно промышленная буржуазія, ведущая не призрачное, а весьма реальное существованіе, наслаждаясь жизнью и получая отличные барыши.

Эти два класса стоятъ другъ противъ друга, какъ два враждующихъ лагеря, раздѣленныхъ соціальной пропастью, черезъ которую не перекинуть моста никакой буржуазной идеологіи, даже самой краснорѣчивой и самой радикальной. Отсюда само собою ясно, что *массовое*, революціонное движеніе пролетаріата можетъ развиться и окрѣпнуть лишь непосредственно на почвѣ этого антагонизма и стихійно порождаемыхъ имъ конфликтовъ. Для того чтобы революціонная интеллигенція всецѣло выполнила свою историческую миссію въ сферѣ революціонизированія пролетаріата, она должна, слѣдовательно, построить свою программу дѣйствія на основѣ антагонизма рабочаго класса къ предпринимателямъ. Другого выбора нѣтъ: надо или принципіально, со всей революціонной страстью и полной серьезностью стать на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата, или же остаться, по прежнему, въ изолированномъ положеніи, а слѣд., и политически безсильными.

Часть интеллигенціи, правда, небольшая, уже приняла рѣшеніе: но это лишь начало. Едва-ли можно сомнѣваться, что число лицъ изъ демократической интелли-

генціи, которыя вступятъ на указанный путь, будетъ постоянно рости. Не говоря уже о необходимости для нашей демократической интеллигенціи заручиться поддержкой широкихъ массъ населенія, вѣдь бо̀льшая часть нашей свободомыслящей буржуазіи сама настроена „антикапиталистически“ и на всевозможные лады громитъ капитализмъ. Тутъ происходитъ много комическаго. Я сомнѣваюсь, чтобы въ Россіи было много либераловъ, которые не обидѣлись бы, если бы ихъ назвали таковыми, а не соціалистами. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: не только радикальные элементы интеллигенціи, но и наше либеральное общество, т. е. большинство свободомыслящихъ людей враждебно настроено по отношенію къ капиталистической буржуазіи.

По своимъ техническимъ средствамъ, крупная индустрія Россіи вполнѣ современна, но фундаментомъ ея служитъ отсталый соціально-экономическій строй. Соціальная почва, изъ которой она беретъ питательный матеріалъ, атмосфера, которою она дышетъ, — варварская и ближе всего подходитъ къ атмосферѣ, извѣстной на Западѣ подъ названіемъ эпохи первоначальнаго накопленія. Капиталистическіе слои чувствуютъ себя пока очень недурно въ этой атмосферѣ. Но пролетаріатъ крайне заинтересованъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе положить конецъ этому сочетанію варварства и новѣйшей цивилизаціи. Съ своей стороны, прогрессивная часть дворянства и люди свободныхъ профессій относятся къ „купечеству“, какъ къ воплощенію привилегированной безсовѣстной наживы и національному носителю восточнаго варварства. Поэтому, выступленіе революціоннаго пролетаріата противъ класса предпринимателей само по себѣ никоимъ образомъ не можетъ вызвать враждебнаго отношенія свободомыслящей буржуазіи. На ея отношеніе къ движенію пролетаріата рѣшающимъ образомъ можетъ повліять только общее его направленіе и характеръ, его практическія цѣли и тактика.

Невыгодно отразиться на отношеніяхъ образованнаго

общества къ рабочему движенію могли бы только двѣ крайности. Во-первыхъ, если бы это движеніе не вышло изъ колеи частныхъ столкновеній рабочихъ съ отдѣльными предпринимателями. Это лишило бы его всякаго политическаго интереса и вызвало бы равнодушіе къ нему въ постороннихъ общественныхъ кругахъ. Но, быть можетъ, еще хуже была бы другая крайность. Я имѣю въ виду тотъ случай, еслибы наше рабочее движеніе, увлеченное бакунистскими и бланкистскими теченіями, поставило бы своею *непосредственной* практической цѣлью анархическую или коммунистскую революцію. На практикѣ оно выразилось бы тогда въ безпорядочныхъ, легкомысленно вызываемыхъ стачкахъ, сопровождаемыхъ насиліями и покушеніями на жизнь капиталистовъ и правительственныхъ чиновниковъ, и силы пролетаріата были бы, такимъ образомъ, растрачены понапрасну, безполезно, какъ для освободительной борьбы съ абсолютизмомъ, такъ и для интересовъ самого класса пролетаріевъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Что касается первой крайности, то отъ нея мы застрахованы нашимъ царскимъ режимомъ. А предохранить наше рабочее движеніе отъ вліянія бакунистовъ и бланкистовъ, есть прямая обязанность господствующихъ въ немъ соціальдемократическихъ элементовъ.

Историческія воззрѣнія соціальдемократіи на общественныя условія эмансипаціи пролетаріата даютъ руководящую нить для выработки программы дѣйствія, которая принципіально цѣликомъ стояла бы на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата и въ тоже время не выходила бы за предѣлы реальныхъ условій достигнутой Россіей ступени буржуазно-капиталистическаго развитія. Нашъ пролетаріатъ начинаетъ свою историческую карьеру въ незрѣломъ, только еще образующемся буржуазномъ обществѣ, противорѣчія и страданія котораго являются не результатомъ разложенія, регресса, даже не результатомъ полнаго развитія, а скорѣе муками родовъ и болѣзнями дѣтства. А больше всего, конечно, страдаютъ отъ нихъ рабочіе и кресть-

яне. Поэтому, ближайшею цѣлью революціоннаго авангарда нашего пролетаріата является не уничтоженіе этого общества, а наоборотъ, завоеваніе для него возможно болѣе благопріятныхъ условій существованія и развитія. Чѣмъ энергичнѣе и сознательнѣе революціонеры изъ рабочаго класса будутъ добиваться этой цѣли, тѣмъ большую службу сослужатъ они и специальнымъ интересамъ своего класса.

Основное зло русск. капитализма заключается въ томъ, что, стоя одной ногой на высотахъ современнаго капиталистическаго производства, другой онъ увязаетъ еще въ болотѣ недавно умершей эпохи варварства и некультурности. Соціально-политическая почва, на которой онъ ростетъ, культурная атмосфера, которая его окружаетъ, переполнены грубыми, исторически чуждыми ему элементами. Отсюда бòльшая часть общественныхъ бѣдствій, наиболѣе жгучія страданія русскаго народа, жизнь котораго характеризуется прежде всего колоссальнымъ несоотвѣтствіемъ порождаемыхъ въ ней капитализмомъ потребностей, интересовъ и задачъ, съ одной стороны, и средствъ для ихъ удовлетворенія и ихъ рѣшенія, — съ другой. Главная проблемма классовъ, наболѣе отъ этого страдающихъ, состоитъ именно въ устраненіи этого внутренняго противорѣчія нашей національной жизни. А первый, абсолютно необходимый шагъ къ разрѣшенію ея есть низверженіе абсолютизма, который не даетъ простора для общественной самостоятельной инициативы и самопомощи.

Этимъ въ общихъ чертахъ намѣчается ближайшій этапъ и направленіе тактики нашаго движенія. На долю его выпадаетъ историческая миссія сознательно служить рычагомъ, толкающимъ всѣхъ враговъ абсолютизма на организованную аттаку противъ него. Оно должно стремиться къ тому, чтобы разрозненныя мелкія стычки ихъ съ нимъ превратились въ общереволюціонный походъ противъ царскаго самовластія. Авангардъ пролетаріата долженъ при этомъ систематически выступить, какъ передовой отрядъ демократіи вообще. Эта роль,

впрочемъ, выпадаетъ соціальдемократіи и на Западѣ, особенно тамъ, гдѣ буржуазный либерализмъ увялъ преждевременно и остановился на половинѣ пути. Но включеніе въ программу западной соціальдемократіи такъ-называемыхъ буржуазно-демократическихъ задачъ имѣетъ совсѣмъ другое принципіальное значеніе и другія практическія цѣли, чѣмъ въ Россіи съ ея абсолютизмомъ и незрѣлымъ капитализмомъ. Въ Западной Европѣ требованія эти потеряли свой буржуазный характеръ и стали фактически чисто пролетарскими, направленными противъ вполнѣ сложившагося буржуазнаго общества. Въ Россіи же они имѣютъ цѣлью не разрушеніе нарождающагося буржуазнаго общества, а скорѣе ниспроверженіе его врага и угнетателя. Непосредственно они стремятся не къ завоеванію политической власти для пролетаріата, а лишь къ достиженію элементарныхъ гражданскихъ правъ. Подъ красной оболочкой радикально-соціалистическихъ постулатовъ скрывается скромное желаніе націи оградить личность отъ административнаго произвола и ограничить царскую власть. Словомъ, наша война подъ знаменемъ демократіи ведетъ непосредственно не къ господству пролетаріата, а къ такому строю, въ которомъ станетъ только возможной борьба его за это господство.

Отсюда сама собою вытекаетъ принципіальная разница въ тактикѣ соціальдемократіи по отношенію къ либерализму у насъ и на Западѣ. Даже въ свободныхъ государствахъ отношеніе къ буржуазіи, какъ къ сплошной, одинаково „реакціонной массѣ“, шло бы въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Но извѣстный тактическій лозунгъ германской соціальдемократіи имѣетъ въ основаніи своемъ все-таки реальную историческую подкладку, потому что, хотя и въ нѣсколько односторонней и преувеличенной формѣ, онъ все же выражаетъ фактическую вражду всѣхъ элементовъ буржуазіи противъ революціоннаго пролетаріата и приводитъ въ сознаніе вытекающую отсюда тактику послѣдняго по отношенію ко всѣмъ этимъ элементамъ. Въ Россіи же, гдѣ истори-

ческая почва для такого враждебнаго отношенія всей буржуазіи къ пролетріату еще не созрѣла, такая тактика стояла бы въ рѣзкомъ противорѣчіи съ реальнымъ положеніемъ этихъ классовъ и вытекающимъ изъ него ихъ взаимнымъ отношеніямъ. Она искусственно способствовала бы изолированію нашего рабочаго движенія въ то время, когда оно еще нуждается въ союзникахъ и во внѣшней помощи. На Западѣ революціонный авангардъ пролетаріата можетъ, конечно, подвигаться впередъ и одинъ, — даже наперекоръ соединеннымъ силамъ всѣхъ буржуазныхъ классовъ — впрочемъ, только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Это для него возможно потому, что онъ имѣетъ дѣло съ пролетаріатомъ, уже поднятымъ до уровня высокой культурности предшествовавшимъ буржуазнымъ прогрессомъ, который въ то же время поставилъ его въ правовыя условія, дающія ему средства собственными силами идти къ намѣченной цѣли. Но въ Россіи, гдѣ пролетаріатъ находится еще только въ процессѣ выдѣленія изъ вѣками жившей въ рабствѣ и невѣжествѣ народной массы, онъ самъ стоитъ еще, въ массѣ своей, на слишкомъ низкой ступени культурнаго развитія, чтобы быть въ состояніи — уже въ желѣзныхъ тискахъ абсолютизма — возвыситься до роли сознательной революціонной силы, безъ прямой или косвенной помощи со стороны буржуазіи. Тактика, имѣющая историческое оправданіе на Западѣ, у насъ была бы утопичной и реакціонной. Утопичной потому, что она оставляла бы безъ вниманія одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ неуклоннаго роста этого движенія; реакціонной потому, что она ослабляла бы непосредственное практическое значеніе этого движенія и препятствовала бы установленію умственнаго взаимодѣйствія образованныхъ классовъ и народныхъ массъ.

Между тѣмъ, такое воздѣйствіе уже само по себѣ имѣетъ въ современной Россіи огромное прогрессивное значеніе, такъ какъ самый блѣдный либерализмъ любого интеллигента все же гораздо выше некультурнаго міровоззрѣнія этихъ массъ.

Положить въ основаніе нашей тактики принципіально-враждебное отношеніе ко всѣмъ слоямъ буржуазіи безразлично, значило бы совершить роковую ошибку въ оцѣнкѣ современнаго положенія пролетаріата и его внутреннихъ силъ къ самостоятельному политическому развитію въ настоящій моментъ. Я очень далекъ отъ мысли ослабить классовый характеръ нашего движенія и разбавлять его водой. Что народное движеніе въ Россіи можетъ принять значительные размѣры лишь на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата, — это лежитъ внѣ сомнѣнія. Но въ томъ-то и дѣло, что эти интересы обнимаютъ собою и интересы угнетенныхъ массъ крестьянства и просвѣщенной буржуазіи и даже вообще національные интересы капиталистическаго прогресса Россіи. Разъ убѣдившись въ этомъ, революціонные піонеры нашего рабочаго класса будутъ въ своей агитаціи и пропагандѣ подчеркивать общенаціональную историческую миссію его въ современной Россіи и проводить ее въ сознаніе, какъ самого этого класса, такъ и всѣхъ тѣхъ буржуазныхъ слоевъ, которые всячески страдаютъ отъ варварства народныхъ массъ и господства абсолютизма. Даже чисто экономическія столкновенія рабочихъ съ препдринимателями даютъ довольно много поводовъ и зацѣпокъ для такой агитаціи. А еще больше поводовъ къ ней дадутъ непосредственныя столкновенія съ правительствомъ изъ-за стачекъ и на почвѣ стремленій рабочихъ къ образованію и организаціи. Разъ наше рабочее движеніе сознательно пойдетъ по этому пути, оно сдѣлается революціоннымъ носителемъ культурныхъ и политическихъ стремленій русской націи, пріобрѣтетъ горячія симпатіи демократической интеллигенціи, пріобрѣтетъ огромную притягательную силу по отношенію къ ней, — словомъ, пролетаріатъ станетъ, вмѣсто крестьянства, средоточіемъ ея идеальныхъ интересовъ, стремленій и надеждъ. А это дастъ ему возможность пріобрѣсти вліяніе и на легальные органы общественной самодѣятельности, на земства, думы, печать, ученыя общества и на разныя

общества культурно-просвѣтительнаго характера. Каковы бы ни были непосредственно практическіе, осязательные резульлаты этого, важно было бы уже то, что въ Россіи эксплуатируемый, приниженный классъ смогъ пріобрѣсти вліяніе и толкать впередъ оффиціальныя и легальныя общественныя учрежденія, благодаря собственной планомѣрной дѣятельности. До сихъ поръ „крестьянскій вопросъ“ не переставалъ быть предметомъ обсужденія этихъ учрежденій, крестьянство имѣло какъ бы привилегію быть спеціальнымъ объектомъ ихъ заботливости и народолюбія. Но оно играетъ при этомъ роль пассивнаго, безпомощнаго существа, вызывающаго лишь чувство состраданія. Съ пріобрѣтеніемъ же пролетаріатомъ вліянія въ этихъ сферахъ, народолюбіе оппозиціонной буржуазіи получитъ новую почву и существенно иной характеръ. Импульсы будутъ исходить изъ среды революціоннаго, борющагося народнаго класса и станутъ удобной почвой для постояннаго воздѣйствія и своего рода союза между организованнымъ авангардомъ этого класса и передовыми, свободомыслящими кругами буржуазіи.

Подведемъ итогъ вышесказанному.

Мы имѣемъ въ Россіи три обществанныхъ слоя, наиболѣе важные, какъ элементы движенія:

1) Свободомыслящіе слои землевладѣльческаго сословія. Эти круги лишены политическаго значенія оттого, что принадлежатъ къ классу эксплуататоровъ, являющемуся въ то же время еще и привилегированнымъ сословіемъ, которое, однако, никогда не имѣло независимаго положенія по отношенію къ коронѣ и тѣмъ менѣе можетъ имѣть его теперь, когда находится въ полномъ упадкѣ; внушая сельскимъ массамъ частью ненависть, частью страхъ, земельное дворянство не имѣетъ значенія серьезнаго противнка въ глазахъ капиталистической буржуазіи.

2) Представители либеральныхъ профессій и учащаяся молодежь, интеллигентная буржуазія, „интеллигенція“ вообще. Она политически слаба, во-первыхъ, потому

что не имѣетъ серьезной точки опоры въ экономически господствующихъ массахъ буржуазіи, а во-вторыхъ, потому, что сама распадается на разные слои, высшіе изъ которыхъ соприкасаются и даже сливаются съ капиталистами и дворянствомъ, низшіе опускаются до уровня пролетаріата и частью чуть не находятся въ его рядахъ. Они не въ силахъ самостоятельно бороться съ абсолютизмомъ не только вслѣдствіе своей относительной малочисленности и оторванности отъ экономической жизни націи, но и потому, что не представляютъ изъ себя однородной массы и не могутъ выступать, какъ одно цѣлое.

3) Третьимъ элементомъ движенія является классъ промышленныхъ рабочихъ. По своей многочисленности и концентраціи въ городахъ, по роли своей въ національномъ производствѣ и элементарной силѣ, классъ этотъ, конечно, способенъ къ революціонной борьбѣ съ царскимъ режимомъ. Но пока, ему недостаетъ еще политическихъ знаній и опытности и какой-либо легальной почвы для коллективной дѣятельности. То и другое онъ можетъ пріобрѣсти съ помощью вышеназванныхъ слоевъ населенія, которые, въ свою очередь, только въ рабочемъ движеніи могутъ найти мощный рычагъ для веденія войны съ абсолютизмомъ въ широкихъ, національныхъ размѣрахъ. Въ то время, какъ болѣе молодая и демократическая часть интеллигенціи непосредственно отдаетъ свои знанія и силы на служеніе рабочему классу, „солидные“, высшіе круги образованнаго общества могутъ дѣйствовать въ томъ же направленіи косвенно, особенно въ области распространенія народнаго образованія и образовательныхъ средствъ. Слабые въ политическомъ отношеніи, эти элементы задаютъ, однако, тонъ и пользуются вліяніемъ въ сферахъ такъ-назыв. „общественной самодѣятельности“. Правда, онѣ довольно тѣсны, но онѣ все быстрѣе расширяются, да и въ теперешнихъ ихъ рамкахъ можно на пользу соціально-политическаго развитія пролетаріата тѣмъ больше дѣлать, чѣмъ сильнѣе будетъ созна-

тельное давленіе снизу, чѣмъ энергичнѣе и планомѣрнѣе будутъ проявляться запросы пролетаріата на образованіе и на общественное вліяніе. Представители возникающаго соціальдемократическаго движенія должны позаботиться, чтобы это давленіе было какъ можно сильнѣе и чтобы оно проявлялось наиболѣе разумными путями.

Лица, оспаривающіе жизнеспособность этого движенія, обыкновенно ссылаются на примѣръ Западной Европы, гдѣ соціальдемократія возникла лишь на почвѣ конституціоннаго государства. Они судятъ о явленіяхъ и запросахъ русской жизни съ точки зрѣнія давно прошедшей эпохи. Они полагаютъ, что если во время господства абсолютизма во Франціи, Бельгіи и т. д., болѣе ста лѣтъ тому назадъ не было почвы для движенія пролетаріата, то его не можетъ быть и въ Россіи въ концѣ 19-го и началѣ 20-го в. Представители такихъ взглядовъ забываютъ, что въ тѣ времена для возникновенія рабочаго движенія не доставало не одной лишь конституціи, но и другихъ, столь же существенныхъ условій. Прежде всего, не существовало новѣйшаго промышленнаго рабочаго, съ самостоятельными интересами. Нельзя упускать изъ виду и того, что, хотя антагонизмъ между эксплуатируемыми массами и буржуазіей проявлялся, онъ былъ все-таки оттѣсненъ на второй планъ общимъ ей и имъ *сословнымъ* антагонизмомъ, враждой къ духовенству и дворянству и гнетомъ цеховой организаціи. И эксплуататоры, и эксплуатируемые принадлежали къ „угнетенному сословію", чего нѣтъ въ современной Россіи. Но еще важнѣе слѣдующій моментъ.

„Буржуазные мыслители Франціи (уже не философы, а экономисты и политики) высказывались все народолюбивѣе, и не только по отношенію къ попамъ и дворянству, но и къ богатымъ вообще они становились все враждебнѣе и враждебнѣе. Даже антикапиталистическія доктрины начали находить сочувствіе". Такъ говоритъ Каутскій („Борьба классовъ въ 1789 г."). Но какими

средствами могли располагать представители такихъ доктринъ въ прошломъ и даже въ началѣ нашего столѣтія, чтобы распространять свои воззрѣнія въ народныхъ массахъ? Въ спокойныя, мирныя времена, почти никакими. Въ современныхъ средствахъ сообщенія, образованія и пропаганды былъ полный недостатокъ. Народныя школы, библіотеки и читальни, публичныя лекціи, широко распространенныя газеты и, чтобы не забыть самаго главнаго, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфъ и современныя почтовыя сообщенія, — всѣ эти рычаги умственнаго и политическаго развитія массъ суть явленія новыя и для Западной Европы. Они не существовали еще ко времени французской революціи и въ обыденное время народныя массы оставались чужды вліянію интеллигенціи и не получали никакихъ импульсовъ отъ идейнаго и политическаго броженія въ высшихъ классахъ.

Еще 50 лѣтъ тому назадъ — читаемъ мы въ „Революція и контръ-революція" К. Маркса — „политическое знаніе въ Австріи доступно было лишь лицамъ, имѣвшимъ средства оплатить провозъ контрабандной литературы въ страну. Они принадлежали, главнымъ образомъ, къ торговымъ и промышленнымъ классамъ". Въ Россіи же эти господа питаютъ самый ничтожный интересъ къ „политическому знанію", за то тѣмъ болѣе жаждетъ его рабочій классъ. Около трехъ четвертей нелегальной литературы, ввозимой въ Россію и печатаемой въ ея предѣлахъ, предназначается для пролетаріата и имъ читается.

То, что въ „Коммунистическомъ Манифестѣ" говорится о Германіи 40-хъ гг., еще гораздо болѣе вѣрно для современной Россіи. Капиталистическая организація съ тѣхъ поръ сдѣлала невѣроятные успѣхи, какъ въ смыслѣ географическаго распространенія, такъ и въ степени своего развитія. Даже въ Россіи капитализмъ стоитъ на несравненно высшей ступени, чѣмъ въ Германіи наканунѣ послѣдней революціи. Все то, что было достигнуто капитализмомъ на Западѣ путемъ постепеннаго,

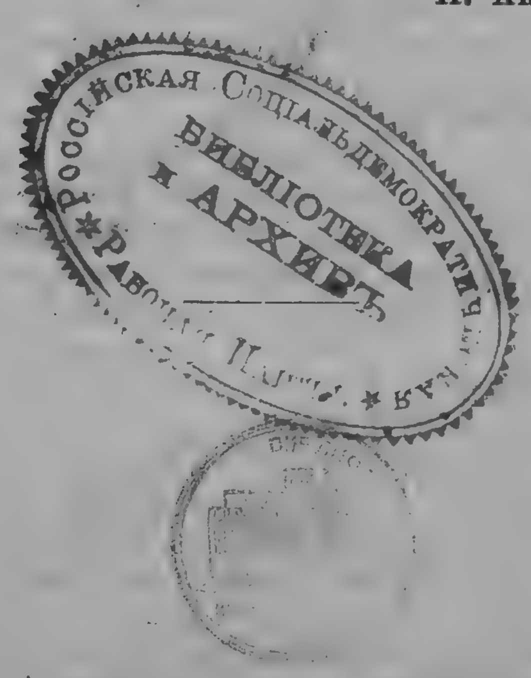
вѣкового развитія, упало, какъ зрѣлый плодъ, въ руки русскаго капитализма и служитъ съ самаго начала рычагомъ въ его поступательномъ движеніи. А въ результатѣ этого выходитъ то, что и борьба съ абсолютизмомъ можетъ и должна вестись у насъ средствами и силами, свойственными современнымъ западнымъ обществамъ.

Этимъ самъ собою устраняется упрекъ, дѣлаемый русской соціальдемократіи въ томъ, что стремленіе ея вызвать въ самодержавной Россіи самостоятельное политическое движеніе пролетаріата заключаетъ въ себѣ внутреннее, неразрѣшимое противорѣчіе. Противорѣчіе это лишь кажущееся, такъ какъ капитализмъ, приближая общественныя, экономическія, культурныя и техническія условія существованія русской націи къ западно-европейскимъ, тѣмъ самымъ создаетъ уже на почвѣ абсолютизма необходимѣйшія предпосылки и факторы для политическаго движенія рабочаго класса. Игнорировать этотъ моментъ, значитъ совершать двойную ошибку. Во-первыхъ, такимъ образомъ сводится къ нулю все значеніе для политическаго развитія пролетаріата всѣхъ другихъ историческихъ силъ движенія, вызванныхъ къ жизни капитализмомъ. Во-вторыхъ, упускается совершенно изъ виду колоссальная разница между современными задачами пролетаріата у насъ и на Западѣ. Борьба со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ требуетъ, конечно, несравненно больше силы, политической зрѣлости и организованности, чѣмъ борьба за его интересы, хотя бы она велась и съ спеціальной точки зрѣнія пролетаріата.

Какъ показываетъ заглавіе статьи, цѣль ея — доказать право на существованіе соціальдемократіи въ современной Россіи. Но мнѣ кажется, что она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ и историческую *необходимость* ея существованія. Дѣло идетъ теперь не о томъ, слѣдуетъ-ли вызвать движеніе пролетаріата въ Россіи или нѣтъ. На этотъ вопросъ отвѣтила утвердительно сама дѣйствительность. Движеніе возникло и будетъ развиваться,

какъ подъ давленіемъ элементарной силы антагонизма между рабочими и предпринимателями, такъ и подъ вліяніемъ революціонной интеллигенціи, которая, съ своей стороны, толкается элементарными силами къ возбужденію революціоннаго движенія въ пролетаріатѣ. Но само собой разумѣется, что историческое значеніе этого движенія, его непосредственное и отдаленное вліяніе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ яснѣе представители его будутъ сознавать тѣсную связь классовыхъ интересовъ нашего пролетаріата съ интересами буржуазно-капиталистическаго развитія Россіи и чѣмъ лучше они съумѣютъ дать этой связи надлежащее выраженіе. Эта задача по силамъ только соціальдемократіи. Поэтому, мы можемъ безъ преувеличеній сказать, что ея существованіе въ самодержавной Россіи не только возможно, но и необходимо, какъ съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, такъ и съ болѣе ограниченной точки зрѣнія буржуазнаго прогресса.

П. Аксельродъ.



Изданія Русскихъ Соціальдемократовъ

I. Библіотека Современнаго Соціализма.

ПЕРВАЯ СЕРІЯ

1. **Г. Плехановъ.** Соціализмъ и политическая борьба (Разошлось).
2. **Фридрихъ Энгельсъ.** Развитіе научнаго соціализма. (Второе изданіе.) . . . . фр. 1.25
3. **Г. Плехановъ.** Наши разногласія . . . . фр. 5.—
4. **Карлъ Марксъ.** Рѣчь о свободѣ торговли. (Разошлось.) —.—
5. **Карлъ Марксъ.** Нищета философіи. . . . . фр. 3.75
6. **Г. Плехановъ.** Фердинандъ Лассаль . . . . фр. 1.25
7. Чего хотятъ соціальдемократы? (Разошлось) . . фр. —.—
8. **В. И. Засуличъ.** Очеркъ исторіи международнаго общества рабочихъ. (Разошлось.) . . . . . фр. —.—
9. **Г. Плехановъ.** Новый защитникъ самодержавія или горе г. Тихомірова. . . . . фр. 1.25
10. **Г. Плехановъ.** Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи . . . . фр. 1.—

ВТОРАЯ СЕРІЯ

1. **Фридрихъ Энгельсъ.** Людвигъ Фейербахъ . . . . фр. 1.50
2. **Фридрихъ Энгельсъ** о Россіи . . . . фр. 1.—

II. Рабочая Библіотека.

1. **П. Аксельродъ.** Рабочее движеніе и соціальная демократія. (Разошлось). . . . . фр. —.—
2. **С. Дикштейнъ.** Кто чѣмъ живетъ? (Второе изданіе). фр. —.30
3. Рѣчь П. А. Алексѣева. . . . . фр. —.15
4. **В. И. Засуличъ.** Варленъ передъ судомъ исправительной полиціи. . . . . фр. —.15
5. **Г. Плехановъ.** Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ. (Разошлось.) . . . . фр. —.—
6. Первое мая и адресъ петербургскихъ рабочихъ Шелгунову, съ предисловіемъ **Г. Плеханова.** (Разошлось.)
7. **П. Аксельродъ.** Задачи рабочей интеллигенціи (Второе изданіе.). . . . . фр. —.50
8. Рабочій день, передѣлка съ польскаго. (Разошлось). —.—
9. **Д. Кольцовъ.** Машина. . . . . фр. —.50

Изданія Русскихъ Соціальдемократовъ

III. Соціально-Революціонная Библіотека.

1. **К. Марксъ и Ф. Энгельсъ.** Манифестъ Коммунистической Партіи (Готовится новое изданіе). . . . фр. 1.—
2. **К. Марксъ.** Наемный трудъ и капиталъ. (Разошлось.) —.—
3. **Ф. Лассаль.** Программа работниковъ. (Разошлось.) фр. —.—

Соціальдемократъ, сборникъ. (Разошлось) . . . . . фр. —.—

Соціальдемократъ, литературно-политическое обозрѣніе кн. I фр. 5.—, кн. II фр. 4.—, кн. III фр. 4.—, кн. IV фр. 5.—

Работникъ, непеpiодич. сборникъ, № 1-2 фр. 4.—, № 3-4 фр. 5.—

Листокъ „Работника" №№ 1, 5, 6, 7 и 8 по . . . . фр. —.20

„ „ № 2 фр. —.15, № 3-4 . . . . фр. —.30

Г. Плехановъ. Русскій рабочій въ революц. движеніи. фр. 1.50

Г. Плехановъ. Всероссійское разореніе (Разошлось). . фр. —.—

Д. Кольцовъ. Царское правительство и рабочіе. (Разошлось.)

Докладъ русскихъ соціальдемократовъ на международный рабочій конгрессъ въ Лондонѣ въ 1896 г. фр. —.50

Объ агитаціи, съ послѣсловіемъ **П. Аксельрода.** . . фр. —.60

Ф. Лассаль. О сущности конституціи. . . . . . . фр. —.50

Г. Плехановъ. Новый походъ противъ русской соціальдемократіи. . . . . фр. —.50

Д. Кольцовъ. Три закона. . . . . фр. —.50

Д. Кольцовъ. Законъ 2-го іюня. . . . . фр. —.60

Матеріалы для характеристики положенія русской печати. Вып. I и II, по . . . . фр. 2.—

Мартовская революція въ Германіи. . . . . фр. —.25

П. Аксельродъ. Къ вопросу о существенныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ. . . . фр. —.40

Современная Россія. . . . . фр. —.50

Тайные документы о законѣ 2-го іюня 1897 г. . . фр. —.60

П. Аксельродъ. Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи. . . . . фр. —.40

Цѣна: 15 коп.

Складъ изданій при типографіи: Genève, chemin de la Cluse, № 8

